

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ИСПРАВЛЕНИЯ МУЖЧИН, ОСУЖДЕННЫХ БЕЗ ИЗОЛЯЦИИ ОТ ОБЩЕСТВА

Аннотация. В настоящей статье исследуется комплексная проблема исправления мужчин, осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества. Автор анализирует криминологические, социально-психологические и правовые аспекты ресоциализации данной категории осужденных в условиях сохранения их основных социальных связей.

Ключевые слова: Исправление осужденных, наказания без изоляции от общества, мужская социализация, ресоциализация, уголовно-исполнительная инспекция, пробация.

В системе уголовной юстиции, исторически выстроенной вокруг парадигмы изоляции и кары, наказания, не связанные с лишением свободы, зачастую воспринимаются как «мягкие» или даже «недостаточные». Однако с криминологической и социально-педагогической точек зрения, именно они открывают наиболее перспективный, хотя и чрезвычайно сложный, путь для подлинного исправления лица, совершившего преступление. Когда речь заходит о мужчинах, составляющих абсолютное большинство в структуре осужденных, этот вопрос приобретает особую остроту и специфику. Мужская социализация, с ее традиционным акцентом на автономии, статусности, доминировании и сдержанности в проявлении эмоций, создает уникальный комплекс факторов, которые могут как препятствовать, так и способствовать процессу исправления в условиях сохранения связи с обществом. Таким образом, возможность исправления мужчин, осужденных без изоляции, – это не теоретический постулат, а практическая проблема, требующая анализа взаимодействия права, психологии, социальных институтов и гендерных норм.

Понятие «исправление» в контексте наказания давно перестало быть синонимом «покаяния» или внешнего послушания. Современная уголовно-исполнительная политика трактует его как формирование у осужденного уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития, а также стимулирование правопослушного поведения. Для мужчины, особенно в культурах с выраженным патриархальными установками, такое определение вступает в сложное взаимодействие с внутренними конструктами маскулинности. Признание вины, необходимость подчиняться внешнему контролю со стороны инспектора УИИ, обращение за помощью в решении социальных проблем – все это может восприниматься как удар по самооценке, проявление слабости, противоречащее канонам «настоящего мужчины». Следовательно, первый барьер на пути исправления – психологический. Преодоление его требует от системы не силового давления, а тонкой работы по реконструкции мужской идентичности, поиска и легитимации новых, просоциальных способов быть «успешным» и «состоявшимся» – через трудовые достижения, ответственность за семью, социально одобряемую активность. Задача уголовно-исполнительного воздействия – создать такие обстоятельства, которые бы стимулировали конфигурацию, основанную на законопослушании.

Основным институтом, от которого зависит возможность исправления, является труд. Наказания в виде обязательных и исправительных работ прямо апеллируют к его дисциплинирующей и социализирующей функции. Для мужчины, чья социальная роль традиционно связывается с добытчиком и кормильцем, потеря работы или неспособность ее

найти – один из самых разрушительных факторов, ведущих к маргинализации и рецидиву. Однако формальное трудоустройство, даже под угрозой уголовной ответственности, не гарантирует исправления. Речь должна идти о включении в осмысленную трудовую деятельность, которая дает не только доход, но и чувство профессиональной компетентности, уважение в коллективе, перспективу роста. Проблема в том, что для многих осужденных, особенно имеющих низкую квалификацию, судимость или проблемы с зависимостями, доступен лишь низкооплачиваемый, престижно незначительный труд, который лишь укрепляет ощущение тупика и социальной неполноценности. Система исполнения наказаний сегодня не имеет эффективных механизмов реального содействия карьерному росту или профессиональной переподготовке осужденных. В лучшем случае инспектор УИИ требует справку с места работы; в худшем – осужденный имитирует трудовую деятельность, скрывая реальное положение дел. Между тем, именно через восстановление или создание устойчивой профессиональной траектории возможно наиболее органичное формирование новой, законопослушной идентичности.

Семья, как другой фундаментальный социальный институт, играет амбивалентную роль. С одной стороны, сохранение семейных связей – мощнейший протективный фактор, мотивирующий к законопослушанию из желания не причинять боль близким и сохранить свой статус в семейной иерархии. Мужчина-отец, стремящийся быть примером для детей, имеет сильнейший внутренний стимул к исправлению. С другой стороны, семья может быть и источником криминогенного давления: девиантные модели поведения, передаваемые из поколения в поколение, материальная зависимость от нелегальных доходов, токсичные отношения, провоцирующие агрессию. В этом случае простое нахождение в семье без изоляции не только не исправляет, но и усугубляет ситуацию. Эффективная работа с осужденным требует, следовательно, и социальной диагностики его семейной системы, и, при необходимости, вовлечения в программы семейного консультирования или терапии. К сожалению, в арсенале уголовно-исполнительных инспекций такие инструменты практически отсутствуют, а сотрудники не обладают соответствующей квалификацией. Контроль подменяет собой помочь, а исправление понимается как отсутствие нарушений, а не позитивное изменение качества жизни осужденного и его окружения.

Отдельного анализа заслуживает влияние референтной группы – круга общения, который формирует нормы и ценности личности. Для мужчин, особенно молодых, группа сверстников часто является ключевым источником идентичности. Если осужденный возвращается после суда в ту же среду, где доминируют криминальные или маргинальные нормы, давление группы на соблюдение «кодекса улицы» (несотрудничество с властями, агрессия как способ решения споров) может быть сильнее любого страха перед наказанием. Исправление в такой ситуации предполагает либо полный разрыв с прошлым окружением, что социально и психологически чрезвычайно трудно, либо нахождение или создание новой просоциальной группы, которая предложила бы альтернативные модели мужского поведения – например, через спортивные секции, волонтерские движения, религиозные общины, трудовые коллектизы с сильной корпоративной культурой. Государственная система контроля в лице УИИ не занимается такой сложной социальной инженерией. Ее функция заканчивается там, где начинается глубокое погружение в социальный капитал личности.

Особую сложность представляет исправление мужчин, совершивших насильственные преступления, в частности – в сфере семейно-бытовых отношений. Здесь переплетаются глубинные психологические проблемы (неумение управлять гневом, патологическая ревность, нарциссические травмы), укорененные культурные стереотипы («мужчина – глава семьи, имеющий право на «воспитание»»), а часто – и проблемы с алкоголем. Применение наказания без изоляции в таких случаях, без обязательного интенсивного психологического

вмешательства (программы для обидчиков, длительная терапия), не только бесполезно, но и опасно, создавая иллюзию разрешения проблемы при сохранении реальной угрозы для потерпевших. Исправление здесь должно начинаться с разрушения патологических установок о мужественности и власти в отношениях, что требует узкоспециализированных, дорогостоящих и длительных программ, которые в России пока носят единичный характер.

Таким образом, возможность исправления мужчин, осужденных без изоляции от общества, существует, но она не реализуется автоматически. Она представляет собой хрупкий результат баланса нескольких условий. Во-первых, это наличие у самого осужденного хотя бы минимальной внутренней мотивации к изменениям, которая может быть изначальной или сформированной в процессе грамотного взаимодействия с инспектором. Во-вторых, это доступность и качество социально-реабилитационной инфраструктуры: служб занятости, психологических консультаций, программ по лечению зависимостей, кризисных центров для семей. В-третьих, это эффективность системы контроля, который должен быть не тотальным и унижающим, а целевым, основанным на оценке рисков и гибко реагирующим на прогресс или регресс в поведении. Наконец, это макросоциальный контекст: состояние рынка труда, уровень социального неравенства, общественные стереотипы в отношении бывших осужденных. В обществе, где царствует стигма, а легальные пути к успеху кажутся заблокированными, шансы на исправление резко падают.

Российская практика исполнения наказаний без изоляции, к сожалению, все еще тяготеет к упрощенной, административно-контрольной модели. Уголовно-исполнительная инспекция видит своей главной задачей обеспечение явки на регистрацию и формальное соблюдение ограничений, а не управление процессом ресоциализации. Инспекторы перегружены, не имеют навыков социальной работы, а их успех оценивается по количественным, а не качественным показателям. В таких условиях наказание без изоляции рискует стать не альтернативой тюрьме, а ее «облегченной» версией, которая карает, но не исправляет, оставляя человека один на один с теми же проблемами, что привели его к преступлению.

Перспективным направлением является развитие модели probation, где инспектор выступает не как контролер, а как куратор, координирующий взаимодействие осужденного с различными службами, помогающий составить и реализовать индивидуальный план реинтеграции. Это требует радикального пересмотра подготовки кадров, снижения нагрузки и изменения критериев оценки работы. Кроме того, необходима интеграция принципов восстановительного правосудия, которое фокусируется на заглаживании вреда, причиненного жертве, и осознании последствий своих действий, что может иметь мощный психотерапевтический и воспитательный эффект для мужчины, научившегося решать конфликты силой.

В заключение, возможность исправления мужчин, осужденных без изоляции от общества, – это не данность, а конструкт, который нужно целенаправленно выстраивать. Оно возможно при условии, что государство и общество перестанут воспринимать альтернативные наказания как просто «слабую» кару и начнут инвестировать в сложную, индивидуальную, междисциплинарную работу с личностью осужденного. Это работа, направленная на трансформацию не столько поведения, сколько смыслов и идентичностей. Она требует признания того, что мужчина, совершивший преступление, – не просто объект контроля, а субъект, способный к изменению, если ему предложат не только ограничения, но и реальные, достойные пути обратно в общество. Успех в этом деле будет измеряться не низким процентом нарушений, а количеством бывших осужденных, сумевших построить стабильную, законопослушную жизнь, восстановить свои семьи и стать опорой, а не угрозой для социума. Это трудная, но единственно верная дорога от мести к исправлению, от изоляции к интеграции

Список литературы:

1. Антонян Ю.М. Рецидивная преступность и ее предупреждение. – М.: Норма, 2018.
2. Дьяченко А.П., Уткин В.А. Альтернативные лишению свободы меры уголовно-правового характера: проблемы применения и эффективность. // Журнал российского права. – 2021. – № 5. – С. 87-99.

